

Российский фонд помощи

Армия отчаянных

Валерий Панюшкин
 специальный корреспондент

Трудно думать о чем-нибудь, кроме войны, не правда ли? Бесконечные обсуждения с друзьями и знакомыми причин и следствий американских взрывов. Победят ли американцы в Афганистане или, наоборот, проиграют? Пострадают ли в Афганистане мирные жители или так им всем и надо? Стоит перебить всех мусульман или, наоборот, накормить?

Бог с вами! О чем вы! Вы лучше представьте себе ситуацию, что террорист номер один находится вовсе не в Афганистане, а в России. Представили? Не укладывается в голове? А у меня укладывается.

Я много езжу. Я много езжу по стране и вижу много отчаянных людей. Я видел солдата, который от отчаяния схватил автомат, расстрелял товарищей и бежал в тайгу. Я видел женщину, которая убила тестя, чтобы отнять у него деньги на лечение ребенка. Тихая такая рыжая худышка с собачьими глазами. Я видел ребенка, беспризорного мальчика двенадцати лет, жившего на свалке и однажды во время милицейской облавы схватившего железный прут и ранившего трех омоновцев. Я видел бомжа, который сколотил деревянный плот, вышел в Финский залив и поплыл туда, где, по его мнению, должна была находиться Филиппия, про которую он знал, что там старикам дают пенсию и жилье. Он был отставной моряк. Попался пограничникам.

И дело не только в бедности. Дело в обиде. Отчаянные люди ведь, как правило, отчаяваются не потому, что бедны, а потому, что чувствуют себя обиженными, бессильными и бессмысленными.

Мохаммеда Атту знаете? Тот самый шахид-летчик, который сидел за штурвалом самолета, врезавшегося в одну из башен торгового центра в Нью-Йорке, он же учился на инженера, был славным парнем, и товарищи по общежитию представить себе не могут Мохаммеда в роли убийцы тысяч людей.

А я могу. Я вхожу в детский дом и вижу глаза. Вопросающие, отчаянные глаза, даже если дети сыты и одеты. Малыши всегда спрашивают: «Ты мой папа? Ты теперь забережь меня?» И подставляют голову под мою ладонь, чтоб я их погладил по голове, и продолжают смотреть в глаза даже из-под глядящей ладони: «Ты мой папа? Ты пришел за мной?»

Со старшими детьми сложнее. Они уже знают, что я не их папа. Но глаза такие же вопрошающие и отчаянные. Они спрашивают что-то более сложное. В чем смысл жизни? Почему страшно умирать? Почему другие дети могут стать эстрадными артистами, а я только слесарем? Почему другие дети могут поехать в Америку (спрашивают именно про Америку), а я могу поехать только на экскурсию в Гусь-Хрустальный? И вот можно прийти и навязать им любой смысл жизни. Они уверуют в любого бога, лишь бы не так одиноко было смотреть по ночам в окно. Они посчитают кого угодно врагом. Они после долгой своей изоляции и бессилия обрадуются, если жизнь вдруг закипит у них под руками, как, наверное, Мохаммед Атта радовался своим командировкам в Нью-Йорк, Флориду, Барселону, Бейрут, опять Флориду, Бостон. Они поедут в Америку, о которой мечтали с детства. И им будет наплевать, что они поедут туда за штурвалом падающего самолета.

Послушайте, мы ведь не можем закрыть школы террористов в Афганистане, в Ирландии или в Стране Басков. Давайте хотя бы попробуем закрыть школы террористов в России. Я говорю не про тренировочные центры в Чечне, а про простые детские дома, которые слишком похожи на казармы, чтобы не воспитать армию отчаянных. Мохаммеда Атта обещали, что шахида в джамме будут ласкать девственницы. Ему не хватало ласки?

Пустые комнаты

Школу-интернат в городе Нелидово Тверской области можно назвать хорошей. Дети в общем-то одеты, накормлены, учатся в школе и смотрят один телевизор. Что еще? Больше ничего. По закону больше ничего не положено для счастливого детства.

Мы приехали в банный день. Ну просто в интернате нет душа, и поэтому дети раз в неделю ходят мыться в городскую баню. А в остальные дни они только моют ноги в специальных комнатах с ободранными, хотя и помытыми стенами. Раньше детей возили в баню на автобусе. Теперь не возят. Старенький интернатовский «пазик» все время ломается, и его надо беречь, потому что на нем возят продукты — 40 кг мяса в день, 100 кг овощей, 14 кг сахара. Если автобус сломается, 200 детей останутся голодными. — Вы из Твери? — спросил мальчик, размахивая от смущения полиэтиленовым пакетом. Ручки у пакета оторвались, пакет шлепнулся на асфальт, и из пакета вылетело полотенце. — Можно посмотреть, как фотографируют наш родной детский дом? — А сам внимательно смотрел и жал чело-то. — Как вам тут живется? — Хорошо. — А сам смотрит, как будто мы сейчас что-то скажем или сделаем — и жизнь изменится. — Нас повели в столовую. Нас накормили супом. И заместитель директора по хозяйственной части похваливался, что вот раньше было подобное хозяйство, и все отходы шли свиньям, но в свиномарине провалилась крыша, и все отходы... — Выкидываете? — Зачем выкидывать? Продаем! Я видел много детских домов, в том числе много ужасных. Таких, где дети ходят в рваные и выглядят узниками Бухенвальда. Я знаю, что совсем бедным детским домам помогать не нужно, потому что совсем бедными детские дома бывают от того, что директор ворует, повара воруют... В самых плохих детских домах надо сначала уволить директора. В хороших детских домах на еду хватает, правда, государственная система устроена так, что директор не может потратить на что-нибудь важ-

ДМИТРИЙ ПЛЕДЕВ

Им очень не хватает уюта и ласки

ное излишки тех денег, что выделяются, например, на питание. Два компьютера? Пожалуйтесь. Только вот кружеч не хватает, и некоторым детям приходится пить из майонезных баночек. Это другая статья расхода. На еду государства нету. Мы идем в спальню. Девочка по имени Надя подходит к сопровождающей нас воспитательнице и берет ее под руку. — Можно я с вами похожу? — Ты уже в бане была? Ну походи с нами. И опять эти девочкины глаза. Благодарный взгляд уже за то, что воспитательницы нашлось время уделить ей внимание. Длинные-длинные коридоры. Пустые-пустые комнаты. — Знаете, — говорит замдиректора, — мы не переводим детей из комнаты в комнату. У нас каждый ребенок живет в одной комнате все годы, по-

ка учится в интернате. Тогда детям хочется свою комнату украшать. Они украшают. В одной комнате — цветы. Целых пять цветков, стоящих на каком-то притворющемся тумбочкой ящике. В другой комнате мальчики развесили по стенам шесть одинаковых постеров с изображением артиста Эминема. В третьей комнате — культ певички Алсу. Ее портрет висит на абсолютно голой стене, и каждая девочка носит маленький значок с портретом Алсу на лацкане. — А мебели у нас нет, — говорит замдиректора. — Видите, только кровати и коврики. Стульев нет, тумбочек нет, шкафов тоже. Нет вру. Походите я покажу вам комнату, где есть тумбочка, и другую комнату, где есть шкаф. Мебель постепенно ломается. Ее чинят, а она ломается снова. А новой мебели не купили уже лет десять. Кровати в комнатах все обязательно скручены болтами какими-то и рейками. А из одной старой сло-

манной парты в классе можно сделать два хоть и неудобных, но вполне действующих стула. — Мама! Мама! — мальчик лет десяти бежит по коридору. — Татьяна Николавна, где мама? — В ногомойке. Учит девочек стирать, — отвечает замдиректора про одну из воспитательниц. — Они что, — спрашиваю, — воспитательницы мамами называются? — Нет, это просто сын одной нашей сотрудницы. Знаете как, все наши дети тоже тут же время с нами. Веселее. Одного прекрасного человека, главы местной коммерческой фирмы, директор детского дома попросила однажды подарить детям каких-нибудь подарков на Новый год. Прекрасный человек прислал 500 рублей. На 200 детисчек. Чистую одежду дети цепляют на вешалку и вешают на окно. — Чего еще у вас нет? — Компьютеры. То есть один компьютер есть, и на него очередь. Дети рисуют клавиатуры и дисплеи на бумаге и учатся, пока ждут. Заочно, что ли.

Мы выходим на улицу. Нам пора уезжать. Белообрый мальчишка, успевший уже сойти в баню, вернуться и извозиться в земле, подходит к замдиректора. У него в руках белый нескладный щенок. — Татьяна Николавна, можно его оставить? — Ты что? Кто-то небось его ищет. — Никто не ищет. Он беспризорный. Я знаю. — Ну оставляй, — замдиректора улыбается. — Прокормим.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Школа-интернат в городе Нелидово остро нуждается в новой мебели, кухонном, сантехническом и электрооборудовании. Обновление мебели обойдется в 395 285 руб.: 135 стульев (14 985 руб.), 200 прикроватных тумб (58 000 руб.), 100 ученических столов (65 000 руб.), 150 кроватей (75 000 руб.), 20 одностумбовых столов (23 600 руб.),

20 книжных шкафов (35 600 руб.), 20 шкафов для одежды (38 600 руб.), 20 книжных полок (7600 руб.), 16 класных досок (20 800 руб.), 200 тьюфакс (56 100 руб.). Кухонное, сантехническое и электрооборудование стоит 248 450 руб.: 15 трехлитровых кастрюль (2100 руб.), 5 40-литровых баков (1200 руб.), кухонная машина (37 000 руб.), холодильная камера (58 000 руб.), холодильный шкаф (20 000 руб.),

15 утюгов (5400 руб.), 2 электрокипятильника (10 000 руб.), 50 смесителей (12 000 руб.), 5 телевизоров (42 500 руб.), 3 магнитофона (13 500 руб.), 5 унитазов (1750 руб.), 10 раковин (5000 руб.), 500 электроламп (11 000 руб.), 200 плафонов (24 000 руб.), 100 карнизов «струна» (5000 руб.). Автобус ПАЗ-3205 стоит 322 500 руб.

Адреса фирм есть в фонде.

А еще бы компьютерный класс

Сейчас в школах страны на один компьютер приходится 500 учеников, или пять человек на одну кнопку клавиатуры. Чтобы все получили по компьютеру, в масштабах России нужно, по разным оценкам, от \$1 млрд до \$400 млрд. А в проекте федерального бюджета 2002 года на это выделено лишь 940 млн руб. (около \$30 млн). Где взять недостающие?

Из Нелидова в Российский фонд помощи недавно поступило еще одно отпечатанное на машинке письмо: «Наша школа-интернат для детей-сирот просит оказать помощь в оборудовании компьютерного класса. Наши дети хорошо учатся, есть большое желание изучить информатику. Наши дети такие же, как ваши,

домашние. У нас квалифицированные педагоги, есть помещение для занятий, но нет денег на компьютеры. Помогите! Директор Нина Горчакова». Итак, квалификация у педагогов в Нелидове есть (нам это подтвердили в Минобразе РФ). Нет денег. И, судя по всему, еще долго не будет. А они нужны сегодня. Может, и не сами деньги. Нелидовскому интернату нужны десять компьютеров (процессор не ниже Pentium II, объем оперативной памяти не менее 64 Мбайт), принтер, программное обеспечение, локальная сеть, желательны модем и выход в интернет. Подробности — на сайте www.iOne.ru. Гарант — Российский фонд помощи (www.rusfond.ru).

Все это есть в крупных компаниях. И они не прочь откликнуться. Вот реальный случай. Широко известен эксперимент „Ъ“ под названием

«iOne, или Один дома». Когда через три недели Айван вышел «на свободу», то решил закупленное в интернете добро продать, а на выручку купить любому детдому пару компьютеров. Адрес подказал наш фонд помощи — Некрасовский детский дом в Тверской области. Но выручки Айвана, увы, не хватило даже на один аппарат. И он обратился к компаниям—участницам проекта iOne. И... Accenture передала семь компьютеров, Альфа-банк — еще семь, Microsoft — лицензионное программное обеспечение (Windows + Office), «1С» — свои лучшие игры для детей, а «Голден Телеком» — модем и доступ в интернет.

Подобных просьб продвинутых директоров интернатов в нашем фонде немало. И теперь уже Российский фонд обращается к Айвану и его знакомым с просьбой о помощи.

Как живется вашим «крестникам»

Читатель любит узнать, что было дальше. Как живется «крестникам»? А главное — на пользу ли пошли ваши деньги? И какова эффективность публикации фонда? И какие тенденции выявлены? Тут Российский фонд помощи в большом долгу перед вами. Писем-просьб публикуем много (помимо «Коммерсанта» еще в журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru), отклики получают практически все (а многие — еще и с гаком!). А вот рассказать, что было дальше, печатной площади не хватает. Выручает, конечно, сайт, но газета пока привинтит.

Новость последних месяцев — компании, которые не прочь засветиться в газете. Они финансово поддержали наших бедолаг и больше не требуют анонимности. Версии о мотивах такой открытости — коммерческие, экономические, политические — читатель может выдвигать сам. По-моему, это хороший знак. Так было в истории спасения Васи Марченко (острый лейкоз, \$10,78 тыс. на трансплантацию костного мозга, см. „Ъ“ от 08.06.01). Кроме десятков частных лиц Васю спасали и девять компаний. И все девять изъявили желание «напечататься» (см. „Ъ“ от 27.08.01). Одна вполне солидная компания так и вовсе хотела непременно возгла-

вить список. Напомню, тогда собрали \$74,487 тыс. Кроме Васи лекарства получили еще шестеро больных детей.

А вот самый свежий случай. В сентябре мы рассказали о просьбе хирургов кафедры детской отоларингологии Российской медицинской академии последипломного образования. Эти врачи оперируют на базе Филатовской и Тушинской детских больницы Москвы — ежегодно до 600 детей как врожденной патологии. Как говорит врач Илья Зябкин, его коллеги умеют все. Но не имеют ничего. Это он про современный инструмент. И вот спасают, работают наугад, вслепую. Немецкий инструмент, о котором мечтают врачи, — это минимальный хирургический набор для эндоскопических операций в полости носа и околоносовых пазух. Он стоит \$25 тыс. Такого набора до сих пор не имеет ни одна клиника Москвы. Но и хирурги такого класса у нас тоже редкость. Годами они просили набор по инстанциям. Инстанции внимательно выслушивали и резюмировали. В том смысле, что хирурги и так молодцы. И без оборудования управятся.

Тогда врачи пришли к нам. Войдите в положение, говорили они. Дело не в числе спасенных. Это некорректный счет. Этот набор сокращает время оперативного вмешательства, улучшает диагностику, загибали врачи пальцы. Да он глаза хирургу открывает! «А что набор

Врач Илья Зябкин, профессор Александр Щеголов и Михаил Лернер

вообще избавит ребенка от кровоточений, это вам как?!» — возбуждался просители. Вообще-то фонд обычно имеет дело с отчаянными просьбами граждан, которых местный и федеральный бюджеты не жалуют. А тут государственные люди просят помочь госучреждению. И \$25 тыс. — не бог весть какие деньги для Минздрава РФ. Тем более набор минимальный, а технология уникальна. Но когда врачи показали фото новорожденной Сони Песковой с пластиковыми трубками на мордашке, мы решили: берем. Соня через эти жуткие трубки дышит. Она родилась с заросшими носовыми перегородками, что чревато удущ-

готовности и впрямь стоять на страже здоровья подрастающего поколения. Выходило как-то уж слишком официально, и врачи смущались. Михаил тоже смущался и благодарил. Врачей — за мастерство, за верность профессии, за спасенных детей и за вновь обретенное счастье матерей. А Российский фонд помощи — за предоставленную возможность помогать людям. В конце концов все расхохотались и расстались друзьями. А теперь о других делах друзей фонда. Исполнили давняя мечта сельской учительницы Светланы Серягиной (Тамбовская область): купила корову. Ей выслали 16 тыс. руб. На 12 тыс. приобретена трехлетняя стельная Зорька, весной она принесет Серягиным еще и теленка. А 4 тыс. пошли на одежду детям. Елене Петуховой, матери пятерых детей (Пермская область), отправлены 22,5 тыс. руб. и 16 посылок с вещами, школьными принадлежностями. Петуховы купили цветной телевизор «Рубин», электроплиту и еще на учебники хватило.

17-летней Люсе Черкашиной из Волгоградской области (у девушки паралич ног) на лечение отправили 32,3 тыс. руб. Нина Гаврилова (Республика Марий Эл) и ее многочисленное семейство этой осенью впервые всплахи огород на собственной лошади Чайке. 10 тыс. руб. на кобылу послали мы, а еще две посылки с детской одеждой.

Большая радость в семье Капустиных (Курская область). Удалось собрать для их трехлетнего Димы 90,08 тыс. руб. на полноценное лечение от ДЦП. Нина Ивановна Шакирова (Костромская область) только что приобрела телевизор LG для внуки Юли на присланные вами 10 тыс. руб. Юлия недавно перенесла операцию по поводу порока сердца, врачи рекомендовали покой, а она непоседа. Спал старый телек, но он горел, а книжки все читаны-перечитаны. На полный курс лечения от миастении получила 43,75 тыс. руб. Марина Павелко (Рязанская область). Инне Кашиной на слуховые аппараты Siemens Signia для сына передано 66 тыс. руб. В Новосибирске прооперирован (183 тыс. руб.) по поводу сколиоза 15-летний Антон Новиков (Алтайский край). Помогли: Анна (Пекин, КНР), Анна (Люксембург), Полина, три Натальи, три Александры, Катерина, Екатерина, Владимир Ана-тольевич, Алексей, две Анны, Мария, две Марины, Константин, Владислав, Ольга, три Елены, Марианна, Ирина, Алексей, Юрий, Юрий Сергеевич, Нина, две Татьяны, Татьяна Дмитриевна, Карина, Галина, Катя, Людмила, Дмитрий, Ольга Генриховна, Виктория, Михаил, Игорь Сергеевич (все — Москва). Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Из почты фонда

Игорь Масленик, 38 лет. Инвалид I группы. Ранен. Нужны деньги на операцию и ремонт квартиры. Расстрелял меня в Краснодарском крае. Было это 26 июня 1999 года. Я туда с женой и сыном прибыл к отцу отдохнуть. Во двор вошел наркоман с дувстволкой. Сначала он направил ствол на меня. Я только и успел, что выбросить руки навстречу. Получил два заряда и свалился в кровь. Убийца перезарядил ружье. Первый патрон достался отцу. Умер он уже в больнице. А вторым патроном парень убил нашего добермана. В больнице мне хотели отрезать руку по плечо. А потом отказались: чужой, мол, не прописан. Что ж, я остался жить инвалидом первой группы. Позади уже пять операций на левой руке, прок есть, но полностью восстановить ее пока не удалось. С правой дела сложнее. В плече прострелены лучевой и средний нервы, лучевая артерия. Атрофируются мышцы, костенеют суставы кисти. Но вот этой весной я попал в Институт имени Поленова (С.-Петербург). Врачи вселили надежду на восстановление правой руки после серии операций. Но они платные (счет прилагаю), и у меня таких денег нет. А весной ушла жена, мы прожили 15 лет. Пришлось выехать из тещиной квартиры. Власть на улице не оставили, дали квартиру. Я оценил. Но в квартире сгнили окна, полы, двери и трубы. И воды нет, система отопления размоорожена. Жить тут беззрукому инвалиду можно только после ремонта (смету прилагаю). Живу пока на квартирах друзей и знакомых. Держусь. Вот сын, ему 14 лет, остался со мной, а не с матерью. Ему крепко достается, но он как мужик переносит тяготы. Я всегда рассчитывал только на себя, но сейчас без вашей помощи мне не обойтись. Спасибо, что прочли. *Масленик Игорь, Калининградская обл.* Операция Игорю обойдется в 24 083 рубля. Горжиковкомз запросил за ремонт 54 750 рублей. «Мы гарантируем целевое использование средств на ремонт и сжатые сроки восстановления квартиры Масленика» — сказал замначальника областного управления соцразвития Валерий Манукин.

Денис Иващенко, 16 лет. Диагноз: гломерулонефрит. Требуется \$10 530 на годовой курс диализа. Пять лет назад нашу семью постигло большое горе. У сына Дениса обнаружили гломерулонефрит — неизлечимую болезнь почек. После долгих мытарств в тяжелом состоянии мальчик был доставлен в Российскую детскую клинику больницы (Москва). Целый год он провел на гемодиализе и ждал трансплантации почки. Денис понимает тяжесть болезни и переживает не только за себя, но и за меня. Мы вместе молились о милости и пересадке почки, и молитвы наши были услышаны. В феврале 2000 года проведена трансплантация. Начались новые мучения: на 25-й день в пересаженной почке развилось гнойное воспаление. Она проработала год и, несмотря на все мучки, этот год был полон надежд. К несчастью, они не оправдались. Нынче в мае удалили трансплантат. Теперь пересадка почки возможна только через два года. Поэтому мальчик находится на гемодиализе в Институте хирургии Москвы. Однако у меня нет финансовых возможностей два года снимать жилье в Москве, ожидая новую трансплантацию. Выход есть. Сыну можно прямо дома проводить перитонитальный диализ. Но, к несчастью, этот метод не финансируется государством. А годовая стоимость препаратов для него чудовищно высока: \$10 530. Я одна воспитываю двоих детей, из-за болезни Дениса оставила работу, мы живем на пенсию моих родителей. Я очень надеюсь на вашу доброту и милосердие. *Людмила Иващенко, Ставропольский край.* Рассказывает заведующий отделением Научного центра хирургии РАМН Михаил Каабак: «Дениса после гемодиализа тошнит, у него прыгает давление, это грозит инсультом. Но повторно пересаживать почку сейчас нельзя: это спонтанный рецидив воспаления. Перитонитальный диализ вообще лучше, поскольку создаст режим, близкий к естественной работе почек. Да, очень дорого. Зато Денис получит адекватную терапию и сможет полноценно жить».

Светлана Демакова, инвалид. мать-одиночка. Нужна одежда для дочери. Живу вдвоем с дочкой. Марина учится в 10-м классе. Я стала инвалидом второй группы, когда ей и года не было. Я тогда уже работала и получила черепно-мозговую травму. С тех пор так и живем на мою пенсию в 660 рублей. Сейчас у меня целый букет болезней. Разумеется, больно и обидно чувствовать себя безащитной. Нехватка денег, даже на еду, привела к большой задолженности по квартплате (более 1200 рублей). Коммунальщики грозят выслать нас в ветхое жилье без всяких удобств. У нас квартира без горячей воды и газовой колонки, но с центральный отоплением. Я не больно верю в угрозы, потому что если они власть, то должны понимать, что на 660 рублей нам из долгов и нужды не выбраться. А страх, конечно, берет. Но главное — это все же дочь. Она забыла вкус мяса и фруктов, это полуголодное существование. В результате у нее язва желудка. Самое большое мое отчаяние — невозможность одеть Марию. А ведь она — девушка. Ни теплой, ни летней одежды и обуви нет. А Марина злит меня успокаивает: «Ничего, ты поправишься, и мы еще будем жить счастливо». Я тоже стараюсь ободрить ее. Помогите мне. Мы будем рады любой помощи. *Демакова Светлана, Республика Марий Эл.* По словам главного специалиста Минкоопзащиты республики Валентины Шевченко, Демаковы замкнутые люди: «Это от удручающей бедности. Мебель и постельные белье ветхие, телевизор уже два года не работает, холодильник сломан. Когда поступает гуманитарная помощь, о них не забываем. Но это, по правде сказать, очень немного». Банковские реквизиты и размеры одежды Демаковых есть в фонде.

Надя Курзаева, 6 месяцев. Диагноз: лейциноз. Требуется специальное детское питание — 75 200 рублей на год. У Надишю редкая болезнь обмена веществ: лейциноз. Это выяснилось в первый же месяц. Кожица посерела, начался понос, остановилось дыхание. Нас увезли в Филатовскую больницу. Надя впала в кому на три недели. Но врачи отходили. Вот тогда и поставили диагноз. Лейциноз еще называют «болезнью кленового сиропа»: запах от ребенка сладковатый такой. Проявления ужасны: Надя не усваивает грудное молоко! Врачи говорят, из-за нехватки фермента продукты обмена накапливаются и отравляют малыша. Неправильное питание неминуемо ведет к летальному исходу. В мире эта болезнь известна с 50-х годов. Такие дети выживают, если их кормят специальной смесью. Англия выпускает такое питание. Одна банка стоит 15,7 фунта (660 рублей). На месяц Надюшке надо семь банок. Со временем в рацион можно будет добавлять продукты с невысоким содержанием белка. Но основой питания все равно останется смесь. Ума не приложу, куда еще обратиться за помощью. Я не замужем, моей зарплаты музейного работника не хватит и на половину месячной порции. С международной доставкой и переводом на месяц надо 6300 рублей. Музей собрал для нас \$700, еще 300 скопили мои родители. Но доллары заканчиваются. Надюшка не выживает, если не найду деньги! *Курзаева Анна, Московская обл.* Врач Светлана Денисова из Центра детского и диетического питания утверждает, что в России это первый ребенок с лейцинозом: «Классическая форма, как по учебнику. До года Надя пробудет в Институте педиатрии, отладим ей пищеварительную систему, подберем правильную диету. Сейчас ее кормят английской смесью MSUD Analog и молоком, разбавленным глюкозой. И так до первого зуба. Люди с лейцинозом всю жизнь на строгой диете. Ничего, живут! Просто у Нади первый год-полтора самые критичные». Реквизиты Анны и фирмы-поставщика есть в фонде.

Володя Разгонов, 15 лет. Гемофилия. Нужно \$12 096 на годовой курс лекарств. В декабре моему Вове исполнится пятнадцать лет. Нынче он впервые пошел в школу. До сих пор его учили на дому. У Володи гемофилия. Это когда шишка или кровотечение превращаются в грозную проблему. В одиннадцать лет его ноги атрофировались. Это было как в жутком сне. У меня появилась надежда, когда получила пособие по уходу за детьми с гемофилией. Книжка была издана друзьями вашего фонда. Тогда я и написала вам. Про инвалидную коляску, в которой жил Вова, про мглинскую больницу, где советовали «надеть фиксирующую повязку и больше не ездить сюда». Про Москву, где доктор Вдовин, узнав о мглинских рецептах, возмутился: «Повязка превратит пациента в инвалида!» Но доктор Вдовин сказал, что спасет годового курс из 80 флаконов препарата «Фактор VIII» за \$15 тысяч. Такие деньги! Мне тогда впервые самой стало плохо. А потом было две ваши публикации. И два года читатель, за которого молюсь каждое утро, выкупал нам «Фактор VIII». И вот Володя все лето гонял на велосипеде! Отец у нас механизатор, а телятишка. Вова очень экономит «Фактор», но тот все равно заканчивается. Понимаю, Володя не один у фонда, стыдно отравать деньги благодарных людей на него. Но что же делать? *Валентина Разгонова, Брянская обл.* Заведующий гемофилическим центром Владимир Вдовин: «Это был очень тяжелый больной. Но вы спасли Володю. Без вас жить бы ему в инвалидной коляске. На велике гоняет? Вот приедут — отругают! А вообще, очень рад за него. На год Володе надо 80 флаконов «Фактора VIII», а это \$12 096».

Остальные письма из свежей почты фонда читайте на нашем сайте www.rusfond.ru.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми помочь. Мы получаем письма-просьбы и после тщательной проверки публикуем их в «Коммерсанте», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Если вы решили поддержать авторов-бедолаг — звоните в фонд, получаете их необходимые реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адреса фонды: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru. **Телефоны:** (095) 943-91-35, 158-69-04. **E-mail:** grf@kommersant.ru.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».